

ПОСТСКРИПТУМ. ВИКТОР

Меня просили написать о Венедикте Ерофееве. Вообще мне трудно писать о нем. Я о нем никогда еще и не рассказывал. Так что важ — в первый раз.

«Москва—Петушки» были одним из многих в моей жизни литературных откровений. Я не склонен приходить в экзальтацию, но когда я прочитал их в первый раз — это было где-то в начале 70-х годов, — они очень поразили меня... Вот вы знаете, что такое художник? Это способность проявлять и силу, и пламенность во всем. В Венедикте меня поразило, что ОБ ЭТОМ можно ТАК говорить. Конечно, по прошествии времени я стал находить что-то, с чем был не согласен, но тогда это был восторг. Человек, который все никак не может дойти до Красной площади, — это все, это даже не символ, не метафора, это все вместе, и каждый смысл здесь будет меньше, чем сам этот герой.

Нас много путали с Венедиктом Ерофеевым (поэтому, а не из тщеславия, я подписывался Вик. Ерофеев). И когда в Голландии вышла его книга, в ней стояло мое имя и даже фотография была моя. Мой друг Роберт позвал меня на банкет, все меня поздравляют, а я сижу, ежусь, вижу, что не за того принимают, но не знаю, как сказать. Все-таки говорю Роберту, тот не слушает, будто я скромничаю, потом вдруг сообразил, вскакивает, громко: ну да, конечно, это не ты написал, мы все понимаем, — и книжку над головой всем показывает. Они подумали, я испугался, что мне на

Зжрак и сейчас /прил. к Сов. культуре/- 1990-1241001

(N28)

10 страница, 11